

“Сегодня — «Белая гвардия»...”

*Из истории постановок пьесы М.А.Булгакова
на русской зарубежной сцене*

В минувшем году исполнилось 70 лет со дня драматургического дебюта Михаила Афанасьевича Булгакова в Московском Художественном театре. Вопреки цензурным рогаткам и запретам его пьесе “Дни Турбиных” была суждена долгая жизнь: со дня премьеры 5 октября 1926 г. эта мхатовская постановка выдержала — с неизменным аншлагом! — почти 1000 спектаклей и была оборвана начавшейся войной пятнадцать лет спустя. К сожалению, сегодняшняя Москва не вспомнила об этой легенде отечественной сцены. Похоже, что о юбилее забыл даже театр, который когда-то считал Булгакова своим любимым драматургом.

В истории булгаковской пьесы есть и глава, связанная с ее постановками в зарубежной России. Увы, по сию пору она остается ненаписанной, хотя известно, что их было несколько — в Риге, Нью-Йорке, Берлине, Белграде и, кажется, даже в Харбине.

Нынешний год напоминает нам еще об одном юбилее “Дней Турбиных”: 70 лет назад пьесе — под названием “Белая гвардия” — впервые увидела на сцене эмиграция. 1 ноября 1927 г. состоялась премьера пьесы в рижском театре Русской Драммы, а месяц спустя, 4 декабря, была представлена еще одна версия — в парижском театре Русской Драммы.

В отличие от постановки рижан, обстоятельно прокомментированной в прессе, парижский спектакль, осуществленный актером Н.Г.Северским, остался фантомом, практически неизвестным историкам русской зарубежной драматической сцены. Между тем этот опыт был необычен тем, что, не располагая списком пьесы, постановщик решился самостоятельно инсценировать роман Булгакова, используя при этом первую часть его парижского издания. Желания воспользоваться модным в тот сезон литературным именем и симитировать успех московского сценического оригинала оказалось, однако, явно недостаточно для того, чтобы осуществить подлинно театральное зрелище и хотя бы в минимальном приближении донести до зрителя идеи и образы булгаковского сочинения.

Тем не менее премьера спектакля сопровождалась ажиотажем среди неискушенных зрителей. Проницательный знаток театра Е.А.Зноско-Боровский точно определил главную **внесценическую** причину обостренного интереса к этой постановке:

“Все ждали увидеть подлинную пьесу Булгакова, которая второй год не сходит со

сцены Московского Художественного театра. Любопытно было взвинчено чрезвычайно. Так хотелось увидеть и услышать то, что нравится москвичам, что волнует их и увлекает; более того, за текстом пьесы уловить трепет и биение сердца Москвы, нащупать психологию наших далеких братьев, угадать их самих”.

Общее впечатление от постановки у критика было неважным: “Художественными достоинствами она не обладает. Это даже не пьеса, а ряд отрывочных сцен, кое-как связанных между собою. Тут и мелодрама, и чеховщина, и утрированная карикатура, и анекдот, и газетная передовица, и игра на политических симпатиях и антипатиях зрителей. Следование роману, в общем, довольно точное, но лишь немногие сцены выигрышно театральны. Характеров нет, а есть лишь эпизодические, полумертвые фигуры, и актеры сделали все, что было в их силах, чтобы их оживить” (“Иллюстрированная Россия”, 17 дек. 1927, №51).

Эту оценку подтвердил и В.Унковский: отметив “схематичность” инсценировки, он констатировал, что во всех смыслах “постановка в русском парижском театре — бедна”. Среди исполнителей он выделил лишь К.Я.Григоровича-Тинского, игравшего Алексея Турбина: “...фактически в пьесе одна лишь эта роль и имеется, остальные носят эпизодический характер” (“Новое русское слово”, 28 дек. 1927).

После первого же представления нелестные оценки специализации были поддержаны и бойкотом зрителей: после двух или трех представлений спектакль со сцены был снят и в этой редакции более не возобновлялся.

Возможно, этот и подобные ему опыты воплощения пьесы Булгакова в эмиграции остались бы вполне заслуженно забытыми театральными курьезами, если бы не получили несравненно более интересного продолжения, имевшего к тому же прямое отношение к судьбе знаменитой постановки во МХАТе. Есть основания полагать, что возобновление “Дней Турбиных” в Москве в феврале 1932 г. до известной степени было предопределено шумным успехом пьесы за границей, после того, как запрет в СССР в 1929 г. вернул интерес к ней эмиграции, заинтересованной в появлении полноценного зарубежного “двойника” московского спектакля. Эта задача оказалась по плечу лишь такому высокопрофессиональному коллективу, как Пражская группа МХТ.

Сцена из премьерного спектакля “Белая гвардия”.
Слева направо: Б.Алекин (Ларюсик),
М.Жданова (Елена), А.Богданов (Никола),
В.Васильев (Алексей Турбин). Белград, дек. 1930.

Русская драматическая труппа - Париж - 1924 - 24 марта - 2 апреля

Это знаменитое театральное предприятие возникло в Берлине (1922), когда часть гастролировавшей по Европе труппы "художественников" отказалась возвращаться в большевистскую Россию, предпочтя сохранить личную и творческую свободу. На протяжении 1920-1930-х годов актеры театра, получившего в обиходе имя Пражской (по месту своей первой "прописки") группы МХТ, завоевали мировую известность гастролями, охватившими практически все континенты. Один из соотечественников "пражан" так оценивал значение их творческого подвижничества:

"Великая заслуга «художественников» в том, что в невероятно трудных условиях чужим народам на русском языке они говорят о страданиях русского человека. Честь и слава им. Для нас, русских изгнанников, они не только артисты, но и борцы за русское дело, за величие России. Ибо так не только играют, так, страдая и скорбя, горят. В этом сила, очарование и колдовство русского искусства" (В.Ильинский. Артистам-подвижникам. — "Единство" (Прага), 31 марта 1931).

История этой уникальной антрепризы — отдельная тема; мы же выделим в ней одно: обращение к Буглакову стало для труппы, до тех пор специализировавшейся исключительно на классическом репертуаре своей Alma mater (Чехов, Тургенев, Достоевский и др.), первым и самым удачным опытом осмысления новой русской драматургии.

С 1928 г., когда материальные заботы о театре взяли на себя власти Югославии и лично король Александр, покровительствовавший русским эмигрантам, местом новой прописки Пражской группы МХТ стал Белград. Там перед театром, в очередной раз поменявшим свой актерский и режиссерский состав, встала проблема решительного обновления репертуара. Поиски подтолкнули руководителей театра к уже нашедшей пьесе Буглакова. Не имея возможности хотя бы бегло описать драматичнейший период работы над пьесой (он всколыхнул всю русскую колонию в Югославии), укажем лишь, что подготовкой спектакля, растянувшейся почти на два года, руководили воспитанницы Станиславского, известные актрисы Вера Греч и Мария Жданова. Во второй декаде декабря 1930 г. (точную дату еще предстоит уточнить), почти в те самые дни, когда разворачивается действие пьесы, их труды увенчались долгожданной премьерой.

Откликнувшись на это событие, литератор Н.Рыбинский привел не только свои впечатления от спектакля, но и сложную общественную атмосферу, его окружавшую:

"Русский Белград, в массе своей консервативно настроенный, уже задолго до постановки не скрывал своего неприязненного отношения к пьесе. Эта неприязнь ощущалась, и <...> все, что могло вызывать раздражение в пьесе, как бы подверглось легкой стерилизации подобно молоку, которое тогда становится безвредным для всякого желудка. В частности, «Интернационал» в последней картине был заменен специально написанным бравурным маршем. Но все это мелочи, не имеющие существенного значения, и общую оценку спектакля можно выразить высшим баллом. На высоте были и все исполнители, бережно хранившие традиции Художественного театра. Интересная пьеса, тщательная продуманность каждой роли и общий ансамбль — все это данные для несомненного успеха... Любопытство сломило неприязнь к пьесе, и русский Белград трепетно следил за горькой судьбой обреченных, но симпатичных героев страшного русского безвременья. <...> На сцене был подлинный Буглаков, может быть, смягченный, но не искаженный" ("Сегодня", 24 дек. 1930, с.8).

Успех спектакля, признанный и сербским театральным миром, привлек к нему огромный интерес всей зарубежной России. На протяжении весны и лета 1931 г. Пражская группа МХТ, руководимая в тот период воспитанником студии МХТ Поликарпом Павловым, безостановочно гастролировала по странам Восточной Европы, показав свою работу в городах Румынии, Чехо-Словакии, Польши, Эстонии и Литвы. Волна восторженных откликов зрителей и прессы, сопровождавшая это турне, докатилась и до русского Парижа, возбудив острое желание познакомиться с новинкой "пражан".

"Постановка «Белой гвардии» — пресловутой пьесы Буглакова, впервые увидевшей свет ramпы «по ту сторону рубежа», в Москве, — предсказывал перед парижской премьерой спектакля один из обозревателей, — можно наперед сказать — всколыхнет и нас, парижан, в частности весь русский Бийанкур" (Львов Л. К парижским спектаклям художественников. — "Россия и Славянство", 3 окт. 1931).

Успех премьеры "Дней Турбиных" в Париже, состоявшейся 5 октября в театре "Эден" на площади Клиши, и в самом деле превзошел все самые смелые ожидания. Рецензенты были почти единодушны в том, что спектакль имел магическое воздействие на зрителей, заставив их резить наяву и заново пережить катастрофу революционного лихолетья. Пушкинская формула "над вымыслом слезами обольюсь", несомненно, присутствующая в подтексте буглаковской пьесы, поразительным образом материализовалась в восприятии этого произведения русскими эмигрантами.

"Для многих присутствие на этом спектакле было, вероятно, чрезмерно тяжелым испытанием, — отмечал театральный обозреватель Л.Львов. — На этом спектакле живо вспоминаешь и переживаешь заново те страшные сцены убийств и разорения, которые достались на долю каждого из нас, русских, — как бы во «сне» видишь снова то страшное, что пережило Россией. Играли ли актеры свои роли? Как будто бы — нет. Перед нами проходила сама жизнь" ("Россия и Славянство", 10 окт. 1931).

Театральный обозреватель газеты "Возрождение" Н.Чебышев, оценивая необычайный общественный резонанс спектакля, указал на то, что "буглаковская драма обладает «громкоговорителем», усилителем драматического звука. Этот удешаживающий внутренний микрофон заключается в том, что пьесу воспринимают сами герои пьесы, сидящие в театре. В партере, в понедельник сидели и смотрели на себя Турбины и их друзья. Мышлаевские, Шервинские, Студзинские. Был здесь и Лариосик. Может быть, был здесь и муж Елены. Давно спектакль не производил на меня такого сильного впечатления. Точно в студии Художественного театра — партер сливался со сценой. Вероятно, четверть состава зрителей лично пережила трагические декабрьские дни 1918 года в Киеве. Пишущий эти строки помнит панихиду во Владимирском соборе у 38 гробов, среди которых бродили, ища своих, женские тени. В гробах лежали 38 офицеров, убитых населением ночью, во время сна... По этому одному «Белая гвардия» сильная пьеса, с первых же слов захватывающая внимание. Нельзя оторваться. Каждое слово понятно стократ.<...> Финал тем хорош, что он замыкает лишь часть исторической хроники и как бы дает понять, что она должна и будет иметь продолжение. Песня не долетает..." ("Возрождение", 7 окт. 1931).

Москва

Окончание следует.